

На правах рукописи

Гончарова Наталия Владимировна

**БИБЛИОТЕКА А.В. НИКИТЕНКО КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ
ЕГО ТВОРЧЕСКОЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

10.01.01 – Русская литература

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Томск – 2017

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», на кафедре русской и зарубежной литературы.

Научные руководители: доктор филологических наук, профессор
Янушкевич Александр Сергеевич
доктор филологических наук, профессор
Лебедева Ольга Борисовна

Официальные оппоненты:

Гребнева Марина Павловна, доктор филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный университет», кафедра общей и прикладной филологии, литературы и русского языка, профессор

Фрик Татьяна Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», кафедра русского языка как иностранного, доцент

Ведущая организация:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Защита состоится 29 июня 2017 г. в 13 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.267.05, созданного на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36 (учебный корпус № 3 ТГУ, аудитория 26).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» www.tsu.ru.

Автореферат разослан « ____ » мая 2017 г.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ТГУ:
<http://www.ams.tsu.ru/TSU/QualificationDep/co-searchers.nsf/newpublicationn/GoncharovaNV29062017.html>

Учёный секретарь
диссертационного совета

Филь Юлия Вадимовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Имя Александра Васильевича Никитенко (1804–1877), профессора словесности, историка литературы, критика и цензора, прочно ассоциируется с авторством знаменитого дневника, который многократно использовался для создания фундаментальных трудов по истории русской литературы, цензуры и журналистики. Однако в традиционном понимании собственное критическое и историко-литературное наследие Никитенко было заслонено фактографической значимостью его дневника и воспринималось как совокупность не связанных общей идеей текстов и, следовательно, не имеющее самостоятельной значимости. С этих позиций его научное творчество оценивали как деятели конца XIX в. (М.Е. Чешихин-Ветринский), так и советские (У.Д. Розенфельд, И.Я. Айзеншток) и постсоветские исследователи (Г.В. Краснов, И.В. Разуменко). Между тем уже краткие, но определенные высказывания Ю.В. Манна о Никитенко как предшественнике академической школы в литературоведении, о значении его трудов в разработке концепции эволюции русской литературы 1830-1840-х гг. убеждают нас в недостаточной глубине изучения творчества критика и профессора. Деятельность же Никитенко-цензора рассматривалась лишь фрагментарно. Даже в таких основательных исследованиях о цензуре, как очерки А.М. Скабичевского, Г.В. Жиркова, личности и деятельности Никитенко уделено совсем немного внимания. В этом отношении заслуживают внимания попытки выстроить цензорскую биографию Никитенко на основе дневника и других документов, определить его значение в развитии цензурного дела (В.Г. Березина, Д.В. Бадалян).

Особенности его профессиональной позиции как литературного деятеля в этой непростой отрасли вообще не были предметом специального рассмотрения. Отдельные моменты, связанные с цензурной историей пушкинских текстов или поэмы Гоголя «Мертвые души», составляют, как правило, один из сюжетов академического комментария или трактуются как результат вынужденного компромисса между благородными помыслами и «раболопным» усердием «проводника цензурной политики» правительства Николая I (В.Э. Вацуро, М.И. Гиллельсон).

В настоящее время намечается тенденция к смене сложившейся парадигмы восприятия творческой и профессиональной деятельности А.В. Никитенко. Этому способствуют биографические публикации (З.Т. Прокопенко, И.И. Кулакова), разыскания белгородских и воронежских краеведов (А.Н. Кряженков), исследования В.К. Кантора об общественных и политических взглядах профессора¹, труд А.А. Карпова о значении его как преподавателя

¹ Кантор В.К. А.В. Никитенко: русский либерал как наследник петровских реформ // Вопросы философии. – 2006. – № 11. С. 111–121; Кантор В.К. Александр Васильевич Никитенко: «Арена истории не от тебя зависит, но поприще внутреннего мира твое...» // Российский либерализм: идеи и люди / под общ. ред. А. Кара-Мурзы. – М., 2007. – С. 283–289.

русской словесности², статья В.Г. Березиной о его идейном союзничестве с В.Г. Белинским³, переиздание дневника Никитенко в 2004 г. В диссертационных исследованиях разных лет он представлен как мемуарист, редактор, журналист и общественный деятель. В некоторых случаях упоминается методологическое новаторство Никитенко, например, в учебном пособии М.Б. Лоскутниковой, которая отметила поставленный им вопрос о единстве эстетических и исторических требований к произведению.

Более концептуальное исследование историко-литературной и критической деятельности Никитенко стало возможным с открытием материалов личной библиотеки профессора и цензора в Томском университете. Публикации Э.М. Жилияковой, Г.И. Колосовой, А.С. Янушкевича по-разному затронули некоторые аспекты этой большой темы, ввели в научный оборот новые ценные источники. Статья Э.М. Жилияковой представляет впервые опубликованные письма Жуковского к Никитенко, сопровождаемые комментариями и сопоставленные с дневниковыми записями⁴. Более широко отношения Жуковского и Никитенко рассматриваются в статье А.С. Янушкевича и Н.В. Гончаровой⁵. Работы Г.И. Колосовой раскрывают историю поступления библиотеки Никитенко в Томский университет, намечают некоторые крупные темы: запрещенные издания, автографы знаменитых писателей, прижизненные издания А.С. Пушкина⁶.

Библиотека первого Сибирского университета в городе Томске, открытая вместе с университетом в 1888 г., складывалась из многочисленных пожертвованных или купленных личных книжных собраний известных ученых, писателей и общественных деятелей – графа Г.А. Строганова, поэта В.А. Жуковского, министра П.А. Валуева и др. В этом процессе неизмеримая заслуга принадлежит устройщику университета В.М. Флоринскому, который с 1875 г. целенаправленно формировал универсальный библиотечный фонд для будущего университета. О библиотеке, оставшейся после смерти А.В. Никитенко, Флоринский узнал из письма знакомого профессора-медика И.Т. Глебова, который советовал не упустить случай совершить для университета «драгоценное приобретение»: «это не то, что наши книги»,

² Карпов А.А. Кафедра истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета: эпохи и имена (1819-1919) // Актуальные проблемы изучения и преподавания русской литературы : взгляд из России – взгляд из зарубежья: материалы Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 7-9 октября 2010 г. / отв.ред. А.А. Карпов. – СПб, 2011. – С. 11–41.

³ Березина В.Г. А.В. Никитенко – союзник В.Г. Белинского в оценке московского периода журналистской деятельности Н.А. Полевого // Русская литература. – 1997. – № 4. – С. 153–160.

⁴ Жилиякова Э.М. Письма В.А. Жуковского к А.В. Никитенко // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2011. – №4 (16). – С.82-92.

⁵ Янушкевич А.С., Гончарова Н.В. В.А. Жуковский и А.В. Никитенко: к истории личных и творческих отношений // Вестник ТГУ. Филология. – 2016. – № 1 (39). – С. 108–121.

⁶ См.: Колосова Г.И. Собрание книг А.В. Никитенко в фондах НБ ТГУ // Книга в России XVII – начала XIX в.: Проблема создания и распространения : сб. науч. тр. – Л.: БАН, 1989. – С. 27–33; Колосова Г.И. А.В. Никитенко и Н.В. Гоголь (По материалам библиотеки А.В. Никитенко, хранящейся в Научной библиотеке Томского государственного университета) // Н.В. Гоголь: Материалы и исследования. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – Вып. 2. – С. 90–107; Колосова Г.И. Книги XIX в., запрещенные царской цензурой, в библиотеке профессора и цензора А.В. Никитенко // *Bibliotheca nostra: Ślaski kwartalnik naukowy: Cenzura*. – Katowice, 2013. – № 2(32). – С. 20–29.

«замечательная библиотека, составляемая им самим [Никитенко] для себя»⁷. Ознакомившись с каталогом собрания, Флоринский приобрел у вдовы профессора библиотеку на средства, выделенные Томской городской Думой. Книги были привезены в Сибирский университет в 1880 г.

К сожалению, при записи в фонд университетской библиотеки задача сохранения коллекций в целостности не ставилась, из них выбирались лучшие экземпляры, остальные откладывались в дубликаты, и таким образом личные книжные собрания оказались разрозненными. Однако вскоре в 1938 г. было принято решение о восстановлении некоторых частных книжных собраний, в том числе библиотек В.А. Жуковского и А.В. Никитенко. В настоящее время завершается процесс восстановления мемориальной библиотеки Никитенко, хранящейся как единое целое. Ей присвоен статус книжного памятника-коллекции федерального уровня.

Необходимо сказать хотя бы несколько слов о соотношении двух книжных собраний – библиотеки А.В. Никитенко и библиотеки великого русского поэта В.А. Жуковского. Обе они являются достоянием Научной библиотеки Томского государственного университета. Формировались они примерно в одно время, оба владельца библиотек были литературными критиками, творцами эстетических сочинений. Как и Никитенко, Жуковский – автор уникального дневника, отразившего также почти 50 лет его творческой биографии. Многие его дневниковые записи раскрывают круг чтения, передают впечатления от знакомства с новинками современной литературы и оценки классической словесности.

Библиотека Жуковского стала объектом пристального интереса и научного исследования еще в конце 1970-х гг. Опираясь на библиографическое описание библиотеки поэта, выполненное зав. Отделом редких книг НБ ТГУ В.В. Лобановым, авторский коллектив кафедры русской и зарубежной литературы создал уникальное исследование «Библиотека В.А. Жуковского в Томске»⁸, получившее высокую оценку научного сообщества.

Вместе с тем соотношение этих двух библиотек и отражение чтения в дневниковых записях позволяет говорить о принципиальном различии этих книжных собраний. Библиотека Жуковского – это прежде всего библиотека великого русского поэта, для которого «Жизнь и Поэзия одно». Именно поэтому эстетическая составляющая доминирует и в подборе книг, и в характере их чтения, и в рефлексии по поводу этого чтения. Многочисленные конспекты по истории литературы и критики, замечания во время чтения отражают процесс формирования романтических принципов поэта, его мирозерцания. Столь же важен был для него и постоянный читательский интерес к наследию мировой словесной культуры – от античности до современности. Одним словом, библиотека Жуковского – лаборатория его творчества.

⁷ Ястребов Е.В. Сто неизвестных писем русских ученых и государственных деятелей к Василию Марковичу Флоринскому. – Томск, 1995. С. 67.

⁸ Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Ч. 1-3. – Томск: Изд-во Том.ун-та, 1978-1988. Авторский коллектив монографии в составе Ф.З. Кануновой, Н.Б. Реморовой, Э.М. Жилияковой, О.Б. Лебедевой, А.С. Янушкевича в 1991 г. был удостоен за нее Гос. премии РСФСР в области науки и техники.

В этом отношении библиотека Никитенко выглядит скромнее, в ней меньше следов чтения, отражающих творческую деятельность. Но при этом он как цензор, редактор журналов находился в центре литературного процесса, из первых рук получал многие произведения, составляющие цвет русской литературы, имел возможность читать их в рукописях. В его дневнике многочисленны свидетельства его увлеченности книгами. Многие записи о посещениях монастырей, библиотек, архивов и хранилищ – в рамках служебных поездок по ведомству Министерства просвещения – обнаруживают библиофильские интересы Никитенко, его осведомленность о редких старопечатных изданиях и рукописных книгах. Однако по понятным причинам приобретать дорогостоящие раритеты он не мог, часто довольствуясь позднейшими публикациями текстов древних грамот, необходимыми ему для работы. Именно профессиональные интересы во многом определяют круг его чтения. Человек очень образованный, он сформировал энциклопедическую библиотеку, ставшую залогом его постоянного самообразования.

Университетский профессор, цензор, литературный критик – все эти ипостаси проявляются в целенаправленном отборе книг для библиотеки, в содержании дарственных надписей, в собственных пометах и записях Никитенко. Но сам по себе факт наличия книг в библиотеке ни о чем не говорит, набор определенных текстов можно увидеть во многих собраниях дворянско-интеллигентского круга того времени. Подобно тому и факты чтения, пометы и подчеркивания в книгах не являются свидетельствами несомненного усвоения идей и мыслей в том виде, в каком они представлены у авторов сочинений. Только освоенные и переработанные в собственном творческом материале концепции и постулаты великих писателей, философов и ученых могут показать, как складывалось мировоззрение владельца книжного собрания.

Именно в этом отношении библиотека Никитенко является репрезентантом его профессиональной и творческой деятельности, когда прочитанные тексты отражаются в его статьях, речах, лекциях, критических и теоретических работах. Систематизация материалов этого книжного собрания – опыт обобщающего взгляда на те разделы библиотеки Никитенко, которые являются органической частью его жизнестроительства. Материалы дневника, писем, лекций в этом отношении являются комментарием к облику Никитенко – читателя и собирателя своей личной библиотеки.

История и теория вопроса. Проблема изучения личных библиотек писателей и известных деятелей в последнее время привлекает все больше внимания. Необходимость обобщения опыта более чем 200-летнего изучения личных библиотек в России актуализирована в обширной библиографии Н.О. Ильиной. Книга отражает результаты исследования феномена личной библиотеки в различных областях гуманитарных наук за период 1934–2006 гг. и содержит сведения о более ранних трудах ученых и библиофилов.

Личная библиотека еще на рубеже XIX–XX вв. была признана важным источником в сфере историко-культурных исследований, наибольшее развитие получивших в советский период. Являясь неотъемлемой частью жизни писателей и деятелей культуры, частные

библиотеки привлекали к себе внимание ученых (У.Г. Иваск, Я.Л. Барсков). В современных исследованиях феномен библиотеки как особой коммуникативной модели культуры приобретает расширительный смысл метакоммуникации (И.А. Поплавская). Изучение библиотеки представителя русской аристократии графа Г.А. Строганова и др. в Томском университете осуществляется методом систематизации и описания отдельных внутренних коллекций (И.А. Поплавская, Г.И. Колосова, О.В. Крупцева, Н.В. Гончарова).

По словам Л.Б. Модзалевского, профессиональное изучение литературного генезиса писателя возможно только при подробнейшем уяснении его круга чтения, установлении всех обстоятельств и времени знакомства с литературными традициями и их усвоения в индивидуальном поэтическом сознании. Классическое исследование Б.Л. Модзалевского о библиотеке Пушкина, публикации каталогов личных библиотек А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого стали фундаментом для дальнейших изысканий, постановки вопроса о находящихся в центре внимания писателей культурно-исторических проблемах. Одно из удачных воплощений такого систематического изучения библиотеки поэта В.А. Жуковского – коллективная монография «Библиотека В.А. Жуковского в Томске».

Несмотря на это, в истории изучения писательских библиотек намечается ряд проблем. Находясь в общем контексте изучения феномена библиофильства в отечественном собирании книг, оно неизбежно ограничивается областью книговедения, которой недостает широкого культурно-исторического осмысления материала. Имея огромные возможности использования информации о личных библиотеках писателей и деятелей культуры для решения конкретных исследовательских задач, они пока еще мало замечаются учеными. «Источниковый потенциал личных библиотек далеко не в полной мере востребован специалистами-гуманитариями. Личные библиотеки до сих пор не заняли должного места в ряду исторических источников»⁹, – отмечает Н.О. Ильина.

Практически отсутствуют работы, в которых был бы показан синтез всей литературной деятельности Никитенко – критических и историко-литературных трудов, преподавательской и цензорской работы в своей совокупности. Системное рассмотрение творческого наследия Никитенко через состав его библиотеки позволило поставить вопрос о влиянии его на ход литературного процесса 30-70-х гг. XIX в., что, несомненно, способствует обогащению представлений о «золотом веке» русской литературы.

Актуальность темы исследования. Изучение личной библиотеки А.В. Никитенко как фактора формирования мировоззрения на основе совмещения библиотковедческого и литературоведческого подходов является органичной частью актуального направления современной отечественной науки о литературе, реконструкции истории литературного быта и институциональности. Необходимость междисциплинарного подхода к изучению фактов истории литературы и критики становится очевидной при возрастании количества

⁹ Ильина О.Н. Изучение личных библиотек в России: материалы к указ.лит. на рус.яз. за 1934-2006 гг. – СПб., 2008. С. 7.

исследований о большом культурном контексте, в рамках которого осуществлялся литературный процесс XIX века (литературные журналы и их история, литературные кружки, салоны и общества, история цензуры и высшего образования). Проблема формирования личной библиотеки и контент-анализ ее состава как репрезентативного источника представлений об эстетической или общественной позиции, творческой лаборатории владельца вплотную соотносится с такой актуальной отраслью литературоведческого анализа и приема психологической характеристики литературного персонажа, как «круг чтения».

Цель исследования – определение репрезентативной функции библиотеки А.В. Никитенко при рассмотрении трех главных аспектов его деятельности (критика, преподавателя литературы и цензора) и при выявлении синтетической природы его историко-литературной и эстетической программы.

В соответствии с целью определяются **задачи** исследования.

1. Проанализировать нелитературные разделы библиотеки Никитенко: исторический, общественно-философских наук и языковой, исследовать их связь с литературно-эстетической позицией владельца.

2. Доказать глубокую связь литературы с историей, философией и языкознанием в сознании Никитенко и синтетизм его историко-литературной концепции.

3. Показать на материале библиотеки концептуальное единство критической, преподавательской и цензорской ролей Никитенко в его взаимоотношениях с ключевыми фигурами литературного процесса XIX века: В.А. Жуковским, А.С. Пушкиным, Н.В. Гоголем.

4. Проследить процесс формирования историко-литературной концепции Никитенко, основанной на немецкой философии и идеализме В.А. Жуковского.

5. Рассмотреть сближение идеального и реального в концепции Никитенко и отход от немецкой идеалистической философии под влиянием личности и творчества А.С. Пушкина.

6. Продемонстрировать точки соприкосновения «синтетического принципа духа» в эстетической концепции Никитенко и принципа «целокупности бытия» в творчестве Н.В. Гоголя.

Методология. Изучение библиотеки Никитенко как репрезентанта его деятельности в методологическом аспекте опирается на уже имеющиеся фундаментальные исследования различных библиотек. В первую очередь, на монографию «Библиотека В.А. Жуковского в Томске».

Почти все писавшие об этой монографии отмечали новизну ее методологии. Как справедливо заметил один из авторов отзыва, «сложный и богатый источник вызвал к жизни и соответствующий уникальный метод исследования – синтез библиотковедческого и литературоведческого подходов, привлечение к анализу маргиналий всех возможных дополнительных материалов – художественных произведений, критики, дневников, писем Жуковского и его окружения. В итоге в подлинном историческом и биографическом контексте реконструируется то, что, казалось бы, невозможно запечатлеть, то, что навсегда уходит

вместе с человеком, – его живое читательское восприятие, непосредственный, сиюминутный диалог с автором книги»¹⁰.

Именно системный метод на стыке библиотековедения и истории литературы, при анализе различных разделов книжного собрания, обнаружении точек соприкосновения с перепиской, архивными документами, дневником и собственными текстами критика и цензора, лег в основу исследования.

Теоретическими основами работы являются труды Ю.М. Лотмана, Ю.Н. Тынянова, Ю.В. Манна, В.Э. Вацура, Д.Д. Благого, М.И. Гиллельсона; современные историко-теоретические исследования (Ф.З. Канунова, Н.Б. Реморова, А.С. Янушкевич, О.Б. Лебедева, Э.М. Жилиякова, Т.Б. Фрик).

Объектом исследования является личная библиотека А.В. Никитенко как основа для его самообразования и определения критической концепции. Предмет – репрезентативная функция библиотеки.

Материалом исследования служат каталог библиотеки А.В. Никитенко, книги из его личного собрания, историко-литературные и критические тексты Никитенко, его дневник, переписка и архивные материалы; художественные произведения писателей – современников Никитенко, критические статьи В.Г. Белинского и др.

Научная новизна диссертационного сочинения определяется впервые осуществленным в отечественном литературоведении исследованием библиотеки А.В. Никитенко как репрезентативного отражения его эстетической позиции, общественных взглядов и педагогической концепции, рассмотренных в соотношении с его дневником и литературно-критическими текстами.

Библиотека Никитенко впервые представлена как репрезентант жизнестроительного концепта «синтез». Исследуется восприятие современных критику исторических, философских, лингвистических достижений и преломление их в собственном творческом сознании Никитенко; рассматривается генезис его историко-литературной концепции движения и развития литературы. Выявляется корпус критических и историко-литературных текстов Никитенко, публиковавшихся в журналах и сборниках и до сих пор не собранных в единую библиографию. Аккумулируются в единое видение разрозненные факты участия Никитенко в цензурных судьбах произведений великих писателей, выявлены ранее неизвестные случаи его прямого содействия изданию некоторых сочинений знаменитых авторов.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в разработке современного многоаспектного междисциплинарного подхода к изучению разрозненных материалов библиотеки, архива и творческого наследия деятелей отечественной культуры, в исследовании важнейшего понятия романтической эпохи – идеи синтеза – в ее

¹⁰ Самовер Н. Утешение наукой, или «Библиотека В.А. Жуковского в Томске» // Знание – сила. № 9. – М., 1994. С. 142.

филологическом аспекте. Понимание системных связей критики, эстетики, развития литературного языка и философии, явившихся основой для общего понятия «словесности» в начале XIX в., обогащает представление о ходе литературного процесса 1830–1870-х гг.

Актуализация наследия Никитенко, который в сложный для литературы период выбора дальнейшего пути обращался к теоретическим основам художественного творчества, определял методологию изучения истории литературы, будет небесполезна для осмысления современного литературного процесса и отечественной культуры в условиях глобализации и унификации общественных структур.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования ее основных положений и результатов при подготовке лекционных курсов по истории русской литературы, журналистики и критики XIX в.; в эдиционной практике при составлении комментариев.

Положения, выносимые на защиту.

1. Как доказывает состав личной библиотеки А.В. Никитенко и его собственные теоретические и историко-литературные произведения, основой его эстетической позиции и жизнестроительной практики стала идея синтеза философских, исторических и языковых явлений.

2. Отраженный в составе библиотеки синтез критической, преподавательской и цензорской ролей Никитенко играет ключевую роль в его взаимоотношениях с писателями – современниками.

3. Критическая программа и эстетическая концепция Никитенко сформировались под влиянием трех важнейших поэтических систем русской литературы XIX в., определивших основные направления ее развития: творчества В.А. Жуковского, А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя.

4. Историко-литературные представления Никитенко обусловлены его собственной мировоззренческой эволюцией и определены концепцией движения литературы от идеализма Жуковского к постепенному углублению в действительность в творчестве Пушкина («идеализированный реализм») и далее – к новому реалистическому методу в творчестве Гоголя.

5. Библиотека является репрезентантом деятельности владельца не столько по факту наличия в ней книг с пометами, сколько по усвоению и внедрению идей, мыслей и положений авторов книг в его собственное идеологическое поле, в систему понятий и ценностей, отраженных в литературно-критических статьях, университетских лекциях и документах цензорской службы.

Апробация работы. Результаты диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры истории русской и зарубежной литературы (2014–2016 гг.), а также на аспирантских семинарах (2015 г). Основные положения исследования были изложены в виде докладов на конференциях: XIV Всероссийская конференция молодых ученых «Актуальные

проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, 2013); I (XV) Международная научно-практическая конференция молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, 2014); XXIV Дни славянской письменности и культуры памяти св. первоучителей Кирилла и Мефодия (Томск, 2014); II Международный литературный фестиваль «Псковская осень – 2015» (Псков, 2015).

По материалам диссертации опубликовано 9 работ, в том числе 3 статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, 2 статьи в научных журналах, 4 статьи в сборниках материалов международных и всероссийских научных конференций и межрегионального литературного фестиваля.

Структура диссертационной работы обусловлена поставленными целью и задачами. Диссертационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, включающего 205 названий, и Приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** заявлена тема работы, обоснована ее актуальность, научная новизна, определены теоретическая и практическая значимость работы, ее методологическая база, сформулированы цель, задачи исследования и положения, выносимые на защиту.

Первая глава диссертации – «**Состав библиотеки А.В. Никитенко и ее место в становлении его мировоззрения**» посвящена обзору личной библиотеки Никитенко как важной составляющей его жизнестроительства и репрезентанта его духовного воспитания, общественного становления и формирования научного мышления. Систематизация разделов библиотеки позволяет выявить синтетическое понимание литературы как системы, включающей три аспекта: исторический, общественный и языковой.

В первом параграфе первой главы «**Проблема истории и исторического развития в творческом наследии Никитенко**» анализируется обширный исторический раздел библиотеки, который является основой для понимания литературы как неотъемлемой части истории общества и народа. Своеобразие историзма Никитенко предопределило его служение литературе и стремление сверять достижения исторической науки с ходом литературного процесса.

Формирование историзма Никитенко происходило под влиянием французских просветителей Монтескье, Вольтера, Ж.Ж. Руссо, Мармонтеля. Читая их сочинения, он постигал закономерности развития обществ и государств под влиянием географического положения и климата, для него было значимо понятие индивидуального «духа народа». В осмыслении идей европейского Просвещения Никитенко придавал особое значение взаимодействию философии, общественной мысли и словесной культуры.

Знакомясь с произведениями античных и европейских историков в переводах на русский язык, Никитенко усваивал контекст мировой истории, вырабатывая свой взгляд на роль

литературы в истории становления нации. Идеи философии истории И. Гердера, «властителя дум» целого поколения русских писателей и мыслителей XIX в., были восприняты Никитенко как основополагающие принципы новой эстетики, содержащей концепцию исторического развития литературы и особенности ее национального своеобразия.

Наличие в библиотеке большого количества трудов по отечественной истории и публикаций документов (летописей, юридических актов, рукописных грамот и др.) обусловлено желанием найти в них не только факты прошлого, но и словесные выражения идей и духовной жизни русского человека. К источникам изучения истории литературы Никитенко причислял летописи и «исторические предания», а также «простые излияния мысли и чувства», песни, сказки и прочие произведения «литературы общенародной».

Разрабатывая университетский курс по истории русской литературы с учетом произведений отечественной словесности древнего периода, Никитенко исследовал различные аспекты фольклорной тематики в трудах А.Х. Востокова, И.И. Срезневского, А.А. Потебни, И. Худякова. Находя истоки литературных явлений в истории своего народа, он изучал труды Д. Бутурлина, Я. Грота, Н. Устрялова, С. Соловьева, П. Пекарского, А. Краевского, Н. Полевого, Ю. Крижанича, епископа Макария и др.

Важным этапом становления собственного исторического самосознания Никитенко и понимания процессов преобразования в русской словесности стало осмысление трудов Н.М. Карамзина. Признавая заслуги писателя в деле преобразования отечественного языка, Никитенко вырабатывал собственное понимание «идеи истории», основанное на роли русского народа и его могучего влияния на ход исторических событий.

Пометы на книгах личной библиотеки и дневниковые записи о прочтении авторских сочинений свидетельствуют, что Никитенко искал в работах историков способы изображения решающих для страны событий и эпох, ярких личностей и самобытных характеров. Тесная связь литературной жизни с историей народа стала основой для понимания им литературы как действующей силы в обществе, что отразилось на содержании его работ «Речь о современном направлении русской литературы», «Опыт истории русской литературы», «Мысли о реализме в литературе» и др.

Историческое направление изучения и преподавания литературы в Санкт-Петербургском университете началось под руководством П.А. Плетнева, который впоследствии передал курс истории русской литературы Никитенко. Наряду с общими научными интересами их взаимоотношения отмечены различием взглядов на некоторые ключевые вопросы развития отечественной словесности, которые раскрываются в содержании отзыва Плетнева на «Опыт истории русской литературы» Никитенко.

Второй параграф первой главы **«Взаимоотношения литературы и политэкономии в понимании Никитенко»** представляет книги из библиотеки по политэкономии и общественным наукам, экономике и юриспруденции. Окончив Философско-юридическое отделение Санкт-Петербургского университета, преподавая в 1830-1832 гг. политическую

экономии, Никитенко придавал ей огромное значение в процессе становления общества, утверждая, что она «есть наука известного рода человеческих отношений»¹¹.

Политическая экономия была воспринята русским обществом не просто как одна из отраслей науки. В ней молодые русские энтузиасты искали методологические основы гуманитарного знания и духовного образования. Антикрепостнический пафос и утверждение новых принципов человеческой морали, экономика и юриспруденция были неразделимы в этом процессе. И русская словесность, прежде всего литература, в утверждении образа «героя нашего времени» вводила политэкономия в систему жизнестроительства.

Художественная литература стала отзываться на политические интересы общества, острая социальная сатира, основанная на исторических параллелях, звучала в произведениях К.Ф. Рылеева, который сыграл в жизни Никитенко большую роль.

По мнению Ю.М. Лотмана, декабристы в своем бытовом поведении воплощали высокие идеалы, дав пример принципа «единства стиля» и «поведенческого текста». Восприняв этот жизнеутверждающий пример, имея собственные политические убеждения, Никитенко по своему реализовал его в научной, цензорской и преподавательской сфере. Не случайно в его библиотеке содержатся альманахи «Полярная звезда на 1823 г.», «Северные цветы на 1830 г.» и некоторые запрещенные издания.

Изучая труды А. Смита, Д. Милля, А.П. Куницына о принципах становления государств и обществ, материалы по крестьянскому вопросу, Никитенко усматривал связь социально-экономических идей с просвещением и образованием, без которых невозможно построение цивилизованного общества. В то же время своей профессиональной деятельностью он поднимал вопрос о значении литературы в жизни общества.

Силу искусства Никитенко видел в необходимых человечеству стремлениях и идеалах. Направление научной мысли и общественного поведения напрямую зависит от эстетических установок, это показано на примере отношений Никитенко и его ученика Н.Г. Чернышевского, впоследствии представителя социалистического направления в общественном движении и писателя-революционера. Соглашаясь с Чернышевским в основной мысли, что природа выше искусства, Никитенко считал доведение ее до крайнего материализма опасным для общества, науки и литературы.

Третий параграф первой главы **«Вопросы развития литературного языка и риторики в сознании Никитенко и их отражение в материалах библиотеки»** посвящен систематизации и анализу источников по истории развития литературного языка и учебных пособий в библиотеке Никитенко, с помощью которых показан пройденный им путь понимания языка от нормативной грамматики и риторики к философскому осмыслению языковых явлений. Собранная Никитенко коллекция из более 30 различных «грамматик» с хронологическим охватом от 1816 до 1873 г. отражает процесс развития науки о языке и

¹¹ Никитенко А.В. О политической экономии вообще и в особенности о производительности как главном предмете оной // Северный архив. – 1827. № 23. – С. 239.

самого языка в XIX в., попытки авторов выработать единую нормативную грамматическую систему. С их помощью Никитенко извлекал сведения о языковой ситуации времени, процессе и степени проникновения живой русской речи в книжный литературный язык с целью дальнейшего осмысления роли языка в развитии национального самосознания русского народа.

В парадигме противостояния архаистов и новаторов Никитенко позиционировал новаторские тенденции. Об этом свидетельствует его высокая оценка деятельности Ломоносова как создателя нового литературного языка и как посредника между русской народностью и «общечеловеческими началами образования»¹², а также его неодобрительное отношение к формализму, к научным идеям архаиста И.И. Срезневского, к «славянской науке» А.Х. Востокова и др.

В поисках новых путей развития словесности Никитенко обращался к учениям, представляющим собой компиляцию сведений из разных областей гуманитарного знания: логики, грамматики, риторики, эстетики и т.д. В библиотеке Никитенко сохранились труды В. Гумбольдта, И. Винкельмана, К. Бахмана, Ф. Ансильона, Д. Велланского, Ф. Гегеля, в которых развивались популярные теории И. Канта, Эшенбурга, Ф. Шеллинга. Их изучение было важным этапом в усвоении Никитенко мировых культурологических, философских тенденций не только лингвистической мысли, но и всей сферы гуманитарных наук.

В этом отношении на него повлияли идеи немецкого лингвиста и философа Вильгельма фон Гумбольдта, который видел в языке «бесперывную деятельность духа», связанную с понятием народа. На материале статей Никитенко и свидетельств его прочтения книги Гумбольдта «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» (1859) показано, как Никитенко воспринял и воплотил в своих текстах мысль о глубочайшей связи языка с умственной деятельностью народа. Наследие идей Гумбольдта выявляется при сопоставлении позиций Никитенко с открытиями основателя исторического исследования языка, профессора Ф.И. Буслаева, который создавал на основе языкознания синтетическую науку о народном духе, включая в нее поэзию, мифологию и бытовую жизнь.

Систематизация учебных пособий по риторике и теории словесности позволяет увидеть истоки активного становления Никитенко как теоретика словесности. В его библиотеке сохранились труды А.С. Никольского, Я.В. Толмачева, Л.Г. Якоба, Н.И. Греча, И.И. Давыдова, В.Т. Плаксина, отражающие и своеобразно преломляющие популярные учения западных мыслителей И. Канта, Эшенбурга, Ф. Шеллинга, Ф. Гегеля.

Материалы библиотеки раскрывают активное усвоение поэтики и эстетики классицизма вместе с переводами на русский язык трудов главных теоретиков-классицистов и образцовых художественных произведений и отталкивание от их теории в сторону идеалистических представлений и философской эстетики.

¹² Никитенко А.В. Значение Ломоносова в отношении к изящной русской словесности. Речь, произнесенная в торжественном собрании Академии наук. – СПб., 1865. С. 17.

Кризис нормативной словесности в 1830–40-х гг. в русском обществе вызвал необходимость переосмыслить значение риторики в системе словесных наук, ее границы не вмещали всех вопросов, которые были поставлены перед литературоведением. На фоне споров о народности как новом пути развития национальной литературы статья Никитенко «О характере народности в древнем и новейшем искусстве» (1846) раскрывает его представления о месте нации в общечеловеческой истории, которое зависит от самобытности и народности.

Методом обзора состава библиотеки А.В. Никитенко и анализа нескольких ее разделов, не относящихся напрямую к основному роду деятельности владельца – изучению художественной литературы – выявлено единство его мировоззрения, в котором понятие «литература» приобретает расширительный смысл, концентрирующий в себе представление практически обо всех отраслях гуманитарного знания в их текстовых воплощениях: история, социология, философия, лингвистика.

Вторая глава «А.В. Никитенко – критик, профессор словесности и цензор в историко-литературном процессе 1830–1870-х гг.» посвящена анализу критической, цензорской и преподавательской деятельности А.В. Никитенко как единой системы, в которой выработывалась его концепция видения литературы. Формирование концепции показано через взаимоотношения с тремя великими русскими писателями – В.А. Жуковским, А.С. Пушкиным и Н.В. Гоголем – и обращение к их творчеству, отразившееся в личной библиотеке Никитенко, документах его архива и критических текстах.

В первом параграфе второй главы **«"Речь о критике": диалог А.В. Никитенко и В.Г. Белинского»** рассматриваются условия, сопровождающие процесс возникновения литературной критики в России, когда эстетические понятия формулировались в рамках критики и публицистики при обсуждении произведений литературы и искусства. Мыслящие люди эпохи задавались вопросами назначения искусства, призвания писателя и критериев художественного совершенства, их привлекали философские категории: форма и содержание, свобода и необходимость, природа и действительность и др.

В диссертации опровергается мнение исследователей о том, что Белинский полемизировал с Никитенко, основанное на созданном революционной пропагандой мифе об «отсталом» профессоре Никитенко, поклоннике «чистого искусства», которому противостоял пламенный революционер-демократ Белинский. Доказывается, что взаимодействие двух критиков происходило в форме не полемики, а диалога.

В «Речи о критике» Никитенко и цикле статей Белинского 1836-1842 гг. обнаружены общие взгляды на предмет литературной критики, ее роли в обществе, структуре, задачах и даже отклонениях. Предложенная Никитенко система критики (аналитическая и художественная) оптимизируется Белинским в единую критику с двумя сферами: исторической и художественной, что, по сути, соответствовало размышлениям Никитенко.

Выявлены расхождения в эстетических взглядах двух критиков – в трактовке категорий «идея изящества» и «красота как необходимое условие искусства», основанных на

положениях идеалистической философии Ф. Шеллинга, бывших в молодости увлечением и Никитенко, и Белинского. Изменения, произошедшие в сознании того и другого, происходили разными путями, но не могли существенно повлиять на общее для Белинского и Никитенко восприятие значения критики в литературе и обществе так же, как и расхождения в нюансах толкования соотношений природы и разума.

Таким образом, исследование диалогической связи двух критиков рассматривается в русле современных тенденций развенчивания мифов и стереотипных представлений как о Никитенко, так и о Белинском. Доказывается, что формирование жанровой системы и методологии литературной критики происходило в процессе своеобразного творческого диалога журналиста и публициста Белинского с университетским профессором и критиком Никитенко, на основе внутренних связей их общего понимания современной литературы.

Во втором параграфе второй главы **«Синтез литературно-критической, преподавательской и цензорской деятельности Никитенко как поведенческий текст»** его профессиональные роли и творческие контакты впервые рассматриваются в их единстве.

При формулировании своих теоретических взглядов и в историческом изучении литературы Никитенко широко использовал понятие синтеза. Это понятие становится ключевым и для осмысления его деятельности как литературного критика, как университетского профессора теории и истории словесности и как цензора, поскольку в них явственно просматривается единство его общественной и эстетической позиции.

Собственная критическая деятельность Никитенко выстраивалась по законам его теоретического учения о критике. Беспристрастность, широта мнения, не скованного принадлежностью к течениям славянофилов, западников, открытость для источников, используемых теми и другими, стала залогом уважительного отношения к нему как со стороны славянофилов (Ю.Ф. Самарин), так и западников (В.Г. Белинский). При обсуждении в журнальных статьях острых вопросов о свободе творчества и влиянии литературы на общество формировался сам жанр литературно-критической и публицистической статьи.

Выявлена органическая связь критической и преподавательской деятельности Никитенко, основанных на изучении теоретических основ литературы и искусства в целом. С помощью новейших исследований в области философии языка, психологии и истории Никитенко старался сформировать систему обучения словесности, отвечающую «духу времени». Исторический подход к литературе позволил ему сформулировать собственный метод изучения истории литературы – «прагматико-философский» в стремлении «объединить сильные стороны философского и исторического направлений»¹³, а также разработать оригинальную периодизацию русской литературы с учетом раннего фольклорного этапа и культуры дотатарского периода.

¹³ Манн Ю.В. Историческое направление литературоведческой мысли (1830–1840 годы) // Возникновение русской науки о литературе/ редкол. Н.Ф. Бельчиков, А.Л. Гришунин. – М.: Наука, 1975. С. 323.

Цензорская роль Никитенко впервые в исследовательской практике поставлена во взаимосвязь с его литературными приоритетами и историко-литературной концепцией развития русской словесности. На материале библиотеки и собственных текстов Никитенко доказывается, что в синтетическом понимании всей его деятельности он принял для себя парадигму, унаследованную от декабристов: «жест – поступок – поведенческий текст» (Ю.М. Лотман), в которой ключевое значение имело Слово и словесное проявление своей гражданской позиции.

Третий параграф второй главы «**А.В. Никитенко и В.А. Жуковский: идеализм как философия духовной жизни и словесной культуры**» раскрывает историю профессионального сотрудничества и личной дружбы Никитенко с поэтом и первым русским романтиком В.А. Жуковским. Их отношения прослеживаются в дневнике Никитенко, где зафиксировано около 40 упоминаний имени Жуковского, воссоздающих историю взаимодействия двух деятелей русской культуры, от знакомства в 1835 г. до участия Никитенко в подготовке посмертного издания произведений Жуковского в 1857 г. Личные отношения сделали возможным благотворное вмешательство Жуковского в дело по освобождению из крепостной неволи матери и брата Никитенко, эта многолетняя тяжба благополучно закончилась благодаря авторитету поэта.

В исследовании выявлены множественные случаи успешного цензурного сотрудничества Никитенко и Жуковского. Наиболее ярким периодом в этом отношении оказался подвиг издания посмертного собрания сочинений А.С. Пушкина в 1838–1841 гг., перед началом печатания которого Никитенко и Жуковский выдержали «бой» по защите уже бывших опубликованными произведений Пушкина от вторичной цензуры. Определена роль Никитенко как помощника Жуковского в деле продолжения издания (IX–XI тт.) в 1840–1841 гг. после отказа от него Опеки и в условиях недоброжелательного отношения в обществе. В дополнение к материалам дневника и опубликованной переписке Никитенко и Жуковского привлекаются сведения о библиотеке, в рукописном каталоге которой зафиксировано наличие тетради Лицейских стихотворений А.С. Пушкина, оставшейся у Никитенко после публикации в IX томе собрания посмертных сочинений поэта и бытующей в исследовательской литературе как «Тетрадь Никитенко» (М.А. Цявловский).

Исследованы издания Жуковского в библиотеке Никитенко, пометы, записи и отметки на книгах, обстоятельства их появления в библиотеке цензора, автограф Жуковского на издании поэмы «Ундина» (1837). Показана связь книг Жуковского из библиотеки Никитенко с архивными тетрадями критика, в которых он осмыслял произведения Жуковского, с дневниковыми записями о прохождении через цензуру и первыми личными впечатлениями Никитенко как читателя и литератора о поэзии Жуковского.

Проанализированы две статьи Никитенко: «Стихотворения В. Жуковского» (1836), «Василий Андреевич Жуковский, со стороны его поэтического характера и деятельности»

(1853), представляющие критическое осмысление творчества и значения русского поэта, в имени которого, по словам Никитенко, заключается целый период русской словесности.

Написание его первой критической статьи, совпавшее по времени с началом работы над диссертацией «О творящей силе в поэзии» (1836), определило дальнейшие эстетические искания. Выявлено, что для Никитенко поэзия Жуковского первоначально явилась воплощением идеалистических представлений и калокагатийной эстетики. В дальнейшей своей педагогической деятельности он транслировал идеалистическое учение в разных курсах Екатеринбургского института и Санкт-Петербургского университета, о чем свидетельствуют сохранившиеся в его архиве конспекты. Для самого Никитенко статья о творчестве Жуковского 1836 г. стала некоторым начальным определением своей историко-литературной концепции, в которой он отмечал свершившийся переход русской литературы от эпохи классицизма к новым литературным формам немецкого романтизма.

Целью второй критической работы Никитенко о творчестве поэта – «Василий Андреевич Жуковский, со стороны его поэтического характера и деятельности» (1853) – было вписать имя Жуковского в общий ход литературного развития. Обратившись к вопросу о влиянии творчества Жуковского на общество, образованность и литературу, Никитенко сначала подводит итог совершенного поэтом перехода от французской классической школы к школе немецкого романтизма, а затем намечает перспективу дальнейшего литературного движения. В концепции Никитенко творчество Жуковского стало той основой, благодаря которой появились реалистические тенденции поэтического мира Пушкина и Гоголя. По его мнению, Жуковский «приготовил путь» представителям «поэтического реализма»¹⁴.

Рассмотрена деятельность Никитенко как критика и историка литературы в составе Комитета по посмертному изданию сочинений Жуковского, ему атрибутировано предисловие «От издателей», без подписи напечатанное в X томе издания. Представлено доказательство авторства Никитенко – карандашная запись на экземпляре X тома Собрания сочинений Жуковского в его библиотеке.

На основании данных источников выявлено, что, формируя концепцию движения литературы и поставив на первую ступень творчество Жуковского, Никитенко не умалял его значения для литературного развития, идеализм и нравственная высота поэзии Жуковского стали основой для его эстетической системы. Замеченное им движение литературы от идеалистической поэзии Жуковского к поискам реалистических тенденций в творчестве Пушкина и Гоголя убеждало критика в возможности синтеза идеализма с реализмом.

Четвертый параграф второй главы «**А.С. Пушкин в творческой биографии Никитенко-читателя и критика: «идеализированный реализм» в литературе**» поднимает вопрос о значимости воспоминаний Никитенко о Пушкине не только как всем известных фактов, которые давно входят в корпус классических документальных свидетельств

¹⁴ Никитенко А.В. Василий Андреевич Жуковский, со стороны его поэтического характера и деятельности. – СПб., 1853. С. 15.

современников о жизни великого поэта, но и как характеристики автора этих воспоминаний, критика и цензора Никитенко.

История знакомства в гостях у Анны Керн, личные встречи в литературных гостиных столицы, участие в альманахе «Северные цветы» 1832 г., цензурные истории «Повестей Белкина», поэмы «Анджело» и многое другое связывало Никитенко с Пушкиным. О многом говорит мужественное противостояние профессора ограничительным мерам правительства в трагические дни гибели великого поэта, когда после прощания в церкви Никитенко поехал в университет и вместо очередной лекции рассказывал студентам «о заслугах Пушкина».

Перенос акцента с личности поэта на личность критика и цензора в истории взаимоотношений Никитенко и Пушкина позволяет увидеть Никитенко как талантливого литератора, автора незавершенного романа «Леон, или Идеализм», отрывок из которого был принят Пушкиным в памятный альманах «Северные цветы на 1832 год»; как внимательного читателя и тонкого ценителя русской поэзии, которому принадлежат одни из первых отзывов о романе «Евгений Онегин». Материалы библиотеки Никитенко подтверждают его интерес к изданиям пушкинского литературного круга в условиях общего охлаждения общественности к поэзии Пушкина, противостояния с представителями «торгового» направления и различных журнальных полемика.

Рассмотрение прижизненных изданий Пушкина в библиотеке Никитенко, а именно: выбор тематики, пометы и записи в экземплярах, – позволило сделать вывод об актуальности для Никитенко исторических произведений Пушкина, о широком использовании поэтического наследия Пушкина в преподавательской деятельности. Доказывается, что в пушкинском «Борисе Годунове» Никитенко нашел тот литературный материал для своего «поведенческого текста», который впоследствии стал направляющим в ведении дневника как литературной летописи и в личном бытовом поведении профессора, критика и цензора, выступавшего в защиту русской литературы.

Проанализировано критическое восприятие Никитенко жизни и творчества Пушкина, которое стало для него горнилом испытаний, переплавившим прежние представления и взгляды на идеалистическую литературу и философию. Реалистические тенденции в произведениях Пушкина приводили Никитенко к пониманию возможности и необходимости дополнять идеализм реализмом. Никитенко называл Пушкина «переходным звеном» от начального, «весеннего» веяния «духа истины и красоты» в творчестве Карамзина и Жуковского к реалистическому искусству Гоголя; в поэзии Пушкина Никитенко видел продолжение традиции идеализма Жуковского, приближенного к конкретной действительности, имеющего национальный русский колорит и ориентированного на общественные интересы. Для самого критика данное наблюдение стало необходимым звеном в его историко-литературной концепции, расширяющей представление о целях и задачах искусства.

Пятый параграф второй главы **«Н.В. Гоголь и Никитенко: новый тип реализма и нравственное перерождение в синтезе природы и духа»** актуализирует вопрос о значимости творчества Гоголя для концепции Никитенко и о его участии в издательских делах писателя.

На основе характеристики Гоголя как преподавателя в дневнике Никитенко в исследовательских кругах делались выводы о его предвзятости и недоброжелательности к писателю (И.Я. Айзеншток). Архивные материалы и библиотека, содержащая прижизненные издания Гоголя, среди которых есть три его автографа – дарственные надписи, адресованные Никитенко, более полно раскрывают взаимоотношения писателя и литератора, обнаруживают неизвестные страницы цензурных историй знаменитых произведений.

Уже известная история публикации поэмы «Мертвые души» (Ю.В. Манн) была дополнена критической характеристикой Никитенко, отразившейся в его письме и литературно-критических текстах. Приведены сведения о том, что произведение Гоголя кардинально изменило отношение Никитенко к творчеству писателя, идея нравственного перерождения человека и всего общества была одной из главных в творческом сознании Никитенко, он выражал надежду на завершение авторского замысла. Обращение к высокому в замысле поэмы как бы оправдывало идеалистические представления Никитенко об искусстве, в котором реализм, представляющий материальную сторону жизни, объединяется с внутренним, нравственным идеализмом в «синтетическом принципе духа».

Неоднозначная ситуация с изданием собрания сочинений Гоголя (1842), когда Никитенко оказался невольной причиной задержки издания, а впоследствии – фактическим спасителем всего собрания, обнаруживает доказательства авторской принадлежности Никитенко Донесения министру Уварову, содержащего характеристику сатирического направления русской литературы XVIII-XIX вв., во главе которого критик ставил Н.В. Гоголя.

В исследовании опровергается сложившееся мнение, что Никитенко с помощью цензуры преследовал произведение Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Показано, что данное мнение сформировано на основе писем П.А. Плетнева, по разным причинам относившегося к Никитенко недоброжелательно.

Несмотря на то, что Никитенко не создал специального критического исследования о творчестве Гоголя, множество отсылок, упоминаний о методе и стиле Гоголя в его статьях и выступлениях позволяет говорить о длительном процессе анализа гоголевских произведений, в ходе которого уточнялись и конкретизировались эстетические позиции Никитенко, воплощаясь в спорах о реалистических тенденциях русской литературы.

С помощью книг библиотеки Никитенко и архивных материалов доказывается, что особый гоголевский реализм, изображавший острые, трагические стороны в жизни общества, обрел горячего почитателя в лице критика Никитенко. Провозглашая «синтетический принцип духа» в смысле объединения материальной стороны жизни с внутренним, нравственным идеализмом, Никитенко увидел завершение замысла главного произведения Гоголя «Мертвые души» в опубликованных после смерти писателя главах.

Таким образом, библиотека Никитенко репрезентирует все ступени развития его историко-литературного и эстетического мировоззрения. Литературно-критическая концепция А.В. Никитенко была сформирована в сложном процессе читательского восприятия, опыта цензурного рассмотрения и критической оценки трех главных, магистральных направлений в развитии русской литературы XIX в. – творчества В.А. Жуковского, А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя. Критическая чуткость Никитенко позволила ему увидеть оригинальные, новаторские черты в произведениях каждого писателя и выстроить трехступенчатую траекторию движения литературы: от идеализма Жуковского через «идеализированный реализм» Пушкина к реалистическому изображению действительности в творчестве Гоголя, дополненному возвратом к нравственным ценностям.

В **Заключении** представлены основные итоги исследования.

Единство критической, преподавательской и цензурской ролей Никитенко раскрывает литературоцентричность его эстетического сознания, духовных ценностей и общественных взглядов, делая литературного критика, университетского профессора и цензора типичным воплощением специфики национального эстетического сознания классического периода русской словесной культуры.

В этом отношении состав библиотеки Никитенко, в которой собраны книги по литературе, истории, философии, эстетике, педагогике, экономическому и общественному развитию, является репрезентантом становления его мировоззрения, формирования общей платформы словесного знания, на которой разрозненные исторические факты и материалы, государственные и экономические сведения, языковые и философские явления, обретая цельность и обогащая друг друга, соединялись в едином синтетическом понимании словесности, в котором изящная словесность была главной, но далеко не единственной составляющей.

Таким образом, личная библиотека Никитенко представляет собой уникальное явление, актуализирующее возможность и необходимость определить место и значение самого Никитенко в истории русской словесной культуры XIX в.

– как вдумчивого критика и публициста, стоящего у истоков академической русской науки о литературе и определяющего ее основания;

– как историка литературы, изучающего ее развитие от наиболее раннего периода до современности и обозначающего теорию и методологию этого изучения;

– как цензора, видящего сущность этого государственного института в направлении идеологического развития общества к просвещению и принятию реформ справедливым и просвещенным правительством.

Воплощение представлений о системных связях критики, эстетики, развития литературного языка и философии, явившихся основой для общего понятия «словесности» в первой половине XIX в., наглядно отражено в составе не-писательской библиотеки и не только обогащает представление о ходе литературного процесса 1830–1870-х гг., но и дает

необходимое основание для обращения к его перспективам. Проблема литературно-критического наследия Никитенко в рецепции литературных критиков следующего поколения – Чернышевского, Добролюбова, Писарева – со всей очевидностью вырастает как перспектива проделанного исследования.

В **Приложении** публикуется рукописный каталог личной библиотеки Никитенко, позволяющий выявить источники его эстетической системы, теоретических и практических научных установок и историко-литературной концепции.

Работы, опубликованные по теме диссертации

Статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

1. **Гончарова Н. В.** А. В. Никитенко как теоретик русской словесности (по материалам библиотеки профессора) / Н. В. Гончарова // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 390. – С. 5–10. – 0,68 п.л.

2. **Гончарова Н. В.** Уроки А.И. Галича в становлении литературно-эстетических взглядов А.В. Никитенко / Н. В. Гончарова // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 394. – С. 15–20. – DOI: 10.17223/15617793/394/3. – 0,68 п.л.

3. **Гончарова Н. В.** В. А. Жуковский и А. В. Никитенко: к истории личных и творческих отношений / Н. В. Гончарова, А. С. Янушкевич // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2016. – № 1 (39). – С. 108–121. – DOI: 10.17223/19986645/39/9. – 0,93 / 0,3 п.л.

Статьи в других научных изданиях:

4. **Гончарова Н. В.** Гравированные портреты Ф. Вендрамини, посвященные героям Отечественной войны 1812 г. в книжном собрании Г.А. Строганова (на материалах Научной библиотеки Томского государственного университета) / Н. В. Гончарова // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2012. – № 3 (7). – С. 35–43. – 0,39 п.л.

5. **Гончарова Н. В.** Издание «Военной галереи Зимнего дворца» в библиотеке Г.А. Строганова / Н. В. Гончарова // Чертковские чтения : материалы второй научной конференции. Москва, 26–27 сентября 2012 г. – М., 2013. – С. 84–89. (К 150-летию Чертковской библиотеки; 75-летию ГПИБ России). – 0,3 п.л.

6. **Гончарова Н. В.** «О происхождении и духе литературы» : к проблеме изучения библиотеки А.В. Никитенко в Томске / Н. В. Гончарова // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : материалы XIV Всероссийской конференции молодых ученых, посвященной 135-летию Томского государственного университета. Томск, 04–06 апреля 2013 г. – Томск, 2013. – Вып. 14, т. 2 : Литературоведение и издательское дело. – С. 74–77. – 0,18 п.л.

7. **Гончарова Н. В.** Предпосылки становления философско-эстетической позиции А. В. Никитенко / Н. В. Гончарова // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сборник материалов I (XV) Международной конференции молодых ученых. Томск, 03–05 апреля 2014 г. – Томск, 2014. – Вып 15, т. 2 : Литературоведение. – С. 33–36. – 0,22 п.л.

8. **Гончарова Н. В.** Образы русских городов XIX в. на литографиях Андре Дюрана в книжном собрании Г. А. Строганова / Н. В. Гончарова // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2014. – № 2 (14). – С. 31–37. – 0,44 п.л.

9. **Гончарова Н. В.** «Что ни стих – то новая красота» (прижизненные издания А.С. Пушкина в библиотеке цензора А. В. Никитенко) / Н. В. Гончарова // Псковская осень – 2015 : сборник материалов II Межрегионального литературного фестиваля. Псков – Пушкинские Горы, 15–18 сентября 2015 г. – Псков, 2015. – С. 35–38. – 0,26 п.л.

Издание подготовлено в авторской редакции.
Отпечатано на участке цифровой печати
Издательского Дома Томского государственного университета
Заказ № 28-0417 от «27» апреля 2017 г. Тираж 100 экз.
г. Томск Московский тр.8 тел. 53-15-28